

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

СЧАСТЛИВЫЕ

РАССКАЗ

Мишка изрядно наревелся. От постоянных всхлипываний не может говорить, страшно болит голова. Мишка лежит на деревянной кровати у бабки Гани в ее маленьком домике, добрую треть которого занимает русская печь. К кровати примыкает коричневый несуразный шифоньер с одной широкой дверью. Вдоль стен — две лавки, два стола, две табуретки. Вот и все движимое и недвижимое имущество. Тем не менее она свой домишко величает не иначе, как “мои хоромы”. Бабка хлопочет у печи, гремит посудой и все никак не может успокоиться:

— За что страдаю, за что мне выпала доля лихая? Не было жизни в молодости, нету ее и в старости. Нарожала вот ораву на свою бедную головушку и бегай тут как оглашенная за каждым, угождай...

Это она о Мишкиной мамочке, своей младшей дочери. Ему очень неприятно и больно это слышать. Но молчит, тупо глядит в потолок. Боится: бабка у них строгая и решительная.

А старуха не унимается:

— Говорила же этой дуре, предупреждала: не пара он тебе, не пара — восточный*, без роду-племени. За красотой погналась. А какая в нем красота? Рожка наглая и бестыжая — вот его красота...

Это уже об отце. И Мишке не менее больно от этих ее слов. Он папу тоже любит. Папа, правда, очень строгий и запросто может перетянуть рем-

ИВАНОВ Александр Николаевич родился в 1956 г. д. Самойловичи Березовского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Автор многочисленных очерков и рассказов. Главный редактор брестской областной газеты “Заря”. Живет в Бресте.

*Выходец из России и восточных районов Беларуси.

нем. Но он хоть и редко, но бывает очень ласковым. Особенно Мишке нравится, когда он начинает щекотать своей колючей бородой, когда приносит зайцев хлеб. Зайцев хлеб — это остатки нехитрого обеда, который он берет с собой. Какая ж это вкуснятина! Это ж только с виду — кусочки хлеба, ломтики сала да дольки лука, которые всегда можно найти у нас на столе. Но это ж — зайцев хлеб! Папа так и говорит, когда с работы приходит:

— А вот что мне заяц для вас дал по дороге...

— Ей там, небось, хорошо, в больнице-то. Лежит себе на белых простынях... — не унимается старуха.

Маму с час назад увезла “скорая”.

Мишка с ней пришли к бабке Гане в гости. Мать и дочь меж собой о чем-то мирно беседовали, а он наблюдал за хохлаткой и ее выводком — им бабка отгородила широкой доской небольшой угол своих “хоромов” между печкой и кроватью. Цыплят много. Среди них есть черные, коричневые, белые. Они беспрестанно “тивкают”, клюют пшено и периодически подбегают к блюду с водой и уморительно закидывают вверх головки, когда ее глотают. А курица важно расселась в углу, точно барыня. На каждое Мишкино движение она сердито кричит и квохчет. Хохлатка предупреждает, что в обиду своих деток не даст. Он уже пробовал поймать черненького цыпленка и тут же получил удар в руку острым клювом.

Маме ни с того, ни с сего стало плохо.

— Что-то в правом боку мне режет, — пожаловалась она бабушке.

— Иди-ка, приляг на кровать, — засуетилась та, — глядишь — отпустит.

Не отпускало. Боль все усиливалась. Мамка тихо стонала.

— Ой, девка, как бы худа не было, — засуетилась бабка Ганя. — Тот гляжу, ты вся побелела. Надо бы “скорой” дозваться.

И она вышла из хаты.

Чего уж там: и Мишке страшно стало. Он никогда не видел маму такой больной. Обычно ей никогда нет покоя, она вечно что-то делает: хлопочет по хозяйству, готовит еду, строчит на швейной машинке...

Мишка прижался к мамке, она гладит его голову.

— Сынок, — говорит она не своим голосом. — Ты уж, если что, смотри — бабушку и папу слушай, не проказничай...

Мишке от этих ее слов еще тоскливее становится, и он невольно начинает всхлипывать. В эту минуту Мишка готов быть самым лучшим мальчиком на земле, лишь бы маме стало легче.

— Ничего, все уладится, — бодрится мамка и даже улыбается.

Но совсем не такая у нее получается улыбка, как обычно. Обычно от улыбки она вся светится, и мамин старший брат, дядя Андрей, часто ей говорит:

— Ты, сестричка, чаще улыбайся. За одну твою улыбку мужики могут с ума сойти.

Папе такие речи швагера явно не по душе, он ворчит недовольно:

— Нашел мне мадонну, — смеется как все — ни хуже, ни лучше.

Дядя Андрей хитро щурится, незаметно подмигивает маме:

— Ошибаешься, брат: не смеется, а именно — улыбается. Тут большая разница имеется. Вот Дануся Гаврикова — та смеется.

Эта самая Дануся — жена одного ихнего родственника. От смеха, как говорил дядя Андрей, “не просыхает”. Смехом “пересыпает” буквально каждое свое слово. Иногда, когда Гаврик ее по пьяни погоняет, и она рассказывает подробности произошедшего маме, показывая при этом синяки, даже и тогда смеется.

Дядя Андрей любит и жалеет нашу маму. Он понимает, как тяжело ей с хозяйством и пятью детьми. Хотя и у него не меньше. Но больше жалеет оттого, что Мишкин отец часто бывает несправедлив в отношении его сестры, иной раз устраивает в доме скандалы, и дядя Андрей, как узнает об этом, бежит через поле, чтобы защитить сестру. Бывало так, что на этой почве у них завязывалась драка. Дралась отчаянно, с переменным успехом, но после всегда мирились.

Это ж каково было пережить такое бабке Гане.

— Чтоб ему, да чтоб его, — кляла бабуля в таких случаях зятя.

А дядя Андрей ее урезонивал:

— Хороший он мужик, мама, — добрый и правильный.

— Молчи, окаянный, — топала ногами на своего старшего сына старуха. — Добрый, добрый... А зачем руки-то распускать? У самого жизнь искалеченная, так побоялся бы Бога — не калечил ее другим.

— Эх, мама, все никак в толк взять не можешь, — со вздохом отвечал дядя Андрей. — Каково-то было ему пройти всю войну от первого дня до последнего, потерять всех своих родных и близких. Он же один, как перст.

— Это ж почему-то он один? — нервно перечила бабка. — Настрогал вот пятерню, и все один?

— Не все так просто, мать. Я его понимаю...

Но бабка никак не могла согласиться с такими доводами...

Кажется, вечность прошла. И вот на пороге появляется запыхавшаяся бабка Ганя:

— На базу бегала, просила, чтобы в “скорую” позвонили. Обещали, что скоро будет. Ты-то как, доня?

Доня — значит дочка, и это — верх нежности у бабули. У нее ласки не допросишься.

— Не иначе как живот у тебя, донечка. Потерпи, милая, не за Польшей живем: нынче власть другая — помереть не даст, — сыплет нежности бабка Ганя.

Она, по всему видно, очень расстроена, и какими-то уж совсем бесцельными кажутся ее действия. Бабка что-то шарит в столе, потом становится на табурет и ищет на полке, которая расположена над входной дверью и тянется от стены до печки, то ей что-то вдруг понадобилось в шифоньере...

Затем она подходит к углу с иконой, крестится и что-то непонятно бормочет.

— Боже, — говорит она уже громко в сердцах, — ну, где ж та “скорая”? Прости Господи, ее точно на тот свет посылать...

Проходит еще какое-то время, и отчетливо слышится за окном урчание машины. Громко хлопает дверка автомобиля. Еще через минуту-другую в хату вваливается детина в белом халате с родинкой-прыщом на щеке. Это дядя Гриша, известный и всеми уважаемый фельдшер “скорой помощи”.

— Здорово живете! — басит он свое привычное приветствие.

— Здоровее не бывает, — отвечает ему бабка и услужливо ставит табуретку у кровати.

Дядя Гриша садится и с несвойственной для его вида лаской спрашивает у мамы:

— Ну, солнышко мое, на что жалуемся?

Бабка (вот уж характер!) с пылу-жару категорично отвечает:

— Живот у нее — вот что!

— Это мы сейчас посмотрим, — спокойно реагирует дядя Гриша и говорит маме: — Прошу оголить ваш животик.

Он пальцами своих огромных рук давит то в одном, то в другом месте живота и спрашивает одно и то же:

— Тут болит?

Мама со стоном утвердительно кивает головой.

— Все понятно: аппендикс у тебя воспалился, уважаемая.

— А я что говорила — живот! — торжествует старуха.

— Хрен редьки не слаще и больной от того не легче — живот у нее или аппендицит, — озабоченно говорит дядя Гриша. — В больницу надо ее как можно скорее. Ну как — поедем?

Мама морщится, ей совсем неловко:

— Да ведь одета-то я по-домашнему. Не думала, не гадала, что так все случится.

— Вот же народ — бабы! — возмущается дядя Гриша. — Тут, понимаешь, вопрос жизни и смерти, а она — не готова. Мужу твоему сам позвоно, что надо будет — доставит. А сейчас поднимаемся и тихонько идем к машине.

Бабка тоже поддерживает фельдшера:

— Доня, правду говорит Григорий — надо ехать.

Тут уж Мишка никак не может удержаться и дает волю реву. Уж больно ему мамку жалко, да и как без нее-то теперь будет? Его даже не может остановить обидный укор дяди Гриши:

— А я-то думал, что у Макарова настоящий мужик растет, а тут он, оказывается, мокрая курица.

Не удерживается и бабка Ганя и для острастки топает ногой:

— Утихни ж ты, оглашенный, и без тебя тошно!

Заступилась мама:

— Да будет вам на него кричать-то: дите ведь совсем еще несмышленное. Не плачь, сынок! Я недолго в больнице буду. Подлечат меня доктора, и мы снова вместе будем. Помни, что я тебе говорила: слушайся бабушку и папу.

Она, превозмогая боль, наклоняется к Мишке и нежно его целует. Да разве ж тут успокоишься? От маминой нежности становится еще горше: и рев не утихает, и от нахлынувших слез все вокруг покрывается туманом.

— Давайте будем поспешать, — нервничает Григорий, — и тебе, Евдокия, надо к хирургам побыстрее, и у меня еще вызовы имеются.

Он решительно берет маму под руку, и она послушно следует за ним, на ходу просит мать:

— Не надо нас провожать, мама, — не хорошо это. Ты уж за Мишкой присматривай лучше, да старших не забывай.

— То-то уж брошу, старших-то твоих, — обижается бабуля. — Ты гляди там, поправляйся побыстрее, а мы тут с Божьей помощью все уладим.

Бабка решительно хватает Мишку за руку и крепко сжимает его ладошку — не вырвешься. Эта бабкина решительность невольно действует на него успокаивающе.

Массивная дверь “хоромов” бабки Гани со скрипом закрывается. Через какое-то время слышится, как клацает затвор двери темных сеней, а еще чуть позже — заводится “скорая” и с суетливым ворчанием отъезжает.

— Ну, с Богом, — громко вздыхает бабушка и, повернувшись, крестится на угрюмый лик иконы, говорит Мишке:

— Будет реветь-то. Некогда мне с тобой тут церемониться — дел невпроворот. Ложись-ка лучше в постель да сосни часок-другой, а там видно будет.

Бабка Ганя ведет Мишку к кровати, бесцеремонно укладывает и накрывает, а сама отходит к печи и в сердцах начинает тараторить.

А голова не болит — раскаляется. Ее лучше не поворачивать, а держать прямо и смотреть на потолок. Хорошо, что кровать плотно примыкает к стенке с открытым окошком, закрытым изнутри желтоватым куском марли. Это чтобы мухи в “хоромы” не летели. Но они все же каким-то образом находят лазейку. Из окошка несет свежестью, доносится беззаботное стрекотание кузнечиков, и беспрестанно гудят шмельки. В призде бабкиного домика, как раз недалеко от окошка, есть норка. Вот в нее-то и устремляются один за другим шмельки. Дядя Андрей говорил, что там, в норе, где-то под домиком, находится шмелиное гнездо. И если бы туда каким-то образом добраться, то можно было бы попробовать шмелиного медка, который ничуть не хуже пчелиного.

— Я в детстве, когда коров пас, — рассказывал дядя Андрей, — не раз разорял шмелиные гнезда и вкус ихнего меда знаю.

Мишке не то чтобы меда хотелось, ему было интересно, как это шмели могут жить в темноте, как дорогу к своему дому находят и много ли их в нем живет?

— Наверное, много — кто ж их считал? Как дорогу находят? Да так же запросто, как мы с тобой. А что темно — не беда. Главное — безопасно и тепло. Шмель, брат, как человек: ему много не надо — чтобы работа была да в хате спокойно...

Эх, как бы хорошо было, если бы сейчас рядом находился дядя Андрей. С ним легко и интересно. Он столько знает и никогда не отмахивается, если к нему лезешь с вопросами. А еще интереснее бывать у него в столярке, где так свежо пахнет смолистой стружкой, и смотреть, как он красиво работает и подпекает:

Но, увы, дяди Андрея нет и, конечно же, он ничегошеньки не знает, какое горе у Мишки. Иначе он непременно бросил бы все свои дела и сюда примчался. Уж он-то бы нашел, как помочь его горю. И Мишка, всхлипывая, смотрит в потолок, на котором в догонялки играют мухи. В иной ситуации он бы уж точно смеялся, наблюдая, как муха, догнав другую, прыгает ей на спину. Но сейчас — не смешно...

Мишка просыпается от бабкиного крика:

— Стой, черт с рогами, кому говорят — стой!

Это бабка свою козу доит, у которой человеческое имя — Зоя. Зойка вредное существо, так и норовит сзади подкрасться и боднуть. А еще она, если вдруг окажется без присмотра, любит полакомиться георгинами, которые в великом множестве произрастают вокруг бабкиного домика. Георгины — слабость бабки Гани, они поражают своими формами и расцветкой. И когда начинается школа, все соседские дети идут к ней за цветами для букетов своим учителям. Бабка особой щедростью не отличается, но в такие минуты охотно берет нож и оставляет пышные букеты. Она придирчиво оценивает свою работу и очень старается, чтобы один букет непременно отличался от другого.

При этом она суетливо ворчит:

— Это ж понимать надо: не веник вяжем, это — цветы, это ж красотища какая!..

У Мишки уже совсем не болит голова. И времени, наверное, прошло немало, коль солнышко, пока он спал, успело перейти на другую половину неба и теперь смотрит в противоположное окно бабушкиных “хоромов”. Но Мишка не спешит подниматься с постели, как это он обычно делает, когда просыпается. Первое, что приходит ему в голову: это ж мамка в больнице. Каково-то теперь без нее жить?..

В сенях послышались бабкины шаги. Она входит в хату, появляется из-за печи, смотрит на Мишку:

— Ну, проснулся, архаровец? — говорит она ласково. — То-то и оно. А то, видишь, реветь надумал. Думаешь, я из железа склеенная и у меня души нет? Ошибаетесь, однако: есть душа-то, как без нее. Только ведь нельзя мне киснуть. Это, братка, совсем гиблое дело нюни распускать: сильных Господь привлекает, а слабых дьявол утешает. Давай-ка лучше я тебе парного молочка налью: у моей Зойки молочко слаще меда и очень полезительное.

Бабка заходит за печь, слышно, как льется молоко в большую медную кружку, которая ей досталась в память о России, где в первую мировую она вместе с семьей, уже будучи барышней, оказалась в качестве беженки. Бабка очень ценит эту кружку и начищает ее до блеска.

Она подходит к Мишке, садится на постель и подает Зойкин дар. Мишке никак не хочется пить козье молоко. Ну не идет оно в сравнение с тем, какое дает их корова Барбара. Но Мишке не хочется огорчать бабку Ганю, он благодарен ей за эту редкую ласку и беспрекословно выпивает все до дна.

— Ну, вот и молодец, это — по-нашенски! — довольно говорит бабка, и ее морщинистое лицо светится от улыбки. Она нежно гладит ершистую голову внука, прижимает ее к себе и со вздохом говорит:

— Ты не бойся: все у мамки твоей будет хорошо. Там, в больнице, знаешь какие доктора, ученые — враз ее на ноги поставят! Вот Макар-то наш придет — все расскажет.

Бабушка за глаза отца Мишки не иначе, как Макаром величает. По фамилии, значит, хотя его зовут Алексеем. Почему так — поди разберись: у бабки свои причуды.

— Тут вот, когда ты спал, Галя прибежала. За тобой и мамкой, значит, испереживалась. Я ее домой отправила, мол, чего беспокоиться — за домом лучше смотри, да за братом и сестрой приглядывай, — рассказывает бабка Ганя. — Это ж старшой-то твой, Толька, совсем от рук отбилась: как пошел с утра, так ищи-свищи ветра в поле. Опять где-нибудь с такими же пройдисветами курит. Ох, я уж на него Макару-то пожалуюсь.

Галя — старшая сестра Мишки. Она, как мамка говорит, ее первая помощница в доме и опора. Галка и в доме приберет, и свиней, если надо, покормит, и Барбару подоит. А то и Тольку, несмотря на то, что старше ее, приструнит. А еще есть Зинка, она на три года старше Мишки. Та больше с подружками в куклы играет, разные фантики от конфет собирает. Их у нее — великое множество, и все аккуратно сложены в сундучке, который стоит под кроватью. Мишка периодически, когда, разумеется, Зинки дома нет, открывает ее схрон и перебирает фантики. И хотя после этого он все аккуратно раскладывает в сундучке по прежним местам, Зинка безошибочно определяет, кто трогал ее богатство. Она давала брату затрепину и непременно шипела:

— Что — опять, противный, лазил в сундук без спросу?

Впрочем, Зинка всегда охотно показывает фантики, если Мишка у нее об этом просит. Ей, похоже, доставляло удовольствие рассказать, где она добыла очередную обертку...

А бабка, между тем, взялась чистить картошку, ни с того ни с сего тихонько затягивает заунывную песню:

*Ой, пьё Чумак, пьё —
У ёго гро-о-шы е.
Ой-да знаем, знаем гарэлочку пити,
Бо вона солодка-а-а...*

А Мишка уже на ногах. Он садится за стол, который дядя Андрей называет алтарем. Тут в углу висит икона с лампадкой, украшенная рушником. Лампадка горит слабым огоньком, и зажигает ее бабка в особых случаях. Сегодня, наверное, и есть тот особый случай. Тут же, на столе, толстенная книга, “Библия” называется, стопка журналов “Крокодил” со смешными картинками. Газеты и журналы бабке Гане доставляет дядя Андрей. Для растопки печи. Но бабка журналы жалеет жечь. Видимо, и ей картинки пришлось по душе. Вот их-то в который раз и смотрит, листая страницы, Мишка.

— Давай-ка мы драников напечем, — предлагает бабка Ганя. — Давненько я за них не бралась.

А кто ж против? Бабкины драники — вкуснейшая вещь: это всем ее внукам известно. Поджаристые и хрустящие они у нее получаются. Их много можно съесть, если макать в сметану или коровье масло. А потом пить чай вприкуску с рафинадом. Чай у нее тоже сила — настоящий на разных душистых травах. А другого она-то и не признает и всякий раз ворчит, если ей предлагают магазинный чай:

— Пристрастились, понимаешь, к басурманскому зелью, греховники! Какая от него польза здоровью? Всего-то, что цвет да запах...

Бабка долго толчет крупные картофелины, затем колдует над полученной кашницей, добавляя туда яйца, муку, соль... Потом идет в сени и разжигает керогаз, который установлен на табуретке. И вот уже доносится приятное шипение драников на сковородке...

Уже туда, ближе к вечеру, в бабкину хату заходят Мишкин папа и дядя Андрей. Они оба веселые и с порога объявляют, что были у мамы, что ей сделали операцию, и чувствует она себя хорошо.

— Слава тебе, Господи! — крестится бабка Ганя. — Отстрадалась, значит, моя донечка. Ну и ладненько, коль все так хорошо складывается. А вот присаживайтесь: сейчас вас кормить драниками буду. Мишку-то я давно покормила.

Мужики не возражают и охотно садятся за кухонный стол. Дядя Андрей рассказывает, как оно было:

— Это хорошо, что мне Алексей про Евдокию сообщил. От нашего завода до больницы, сама знаешь, рукой подать. Приходим мы туда, а нам и говорят, мол, все уже позади, и ваша Евдокия Григорьевна после операции отдыхать изволит. Ну, мы, конечно, к ней в палату. Прикупили, понятное дело, кое-что для передачи. Долго, правда, нам не позволили у нее находиться, но это и не главное. Главное — что все у нее хорошо и пойдет на поправку.

Бабке Гане приятно слушать такую речь, и она суетливо накрывает на стол, то и дело задавая сыну и зятю уточняющие вопросы.

Но мужики не спешат за еду приниматься. Наконец, дядя Андрей не выдерживает:

— Мама, — ласково и вроде даже с какой-то обидой в голосе говорит он, — как-то не по-людски получается в таком случае на сухую за стол садиться. Ты бы открыла свои запасы, чтоб, значит, за все хорошее, за поправку твоей дочери выпить.

— От же змеи окаянные, — совсем без злости отвечает бабка. — А то я не вижу, что вы успели-таки залить себе зенки.

— Ну, чего уж там — было, — признается отец. — Только совсем малость, от радости. А если от радости — никогда не сопьешься.

— Вот именно — с радости, — подчеркивает дядя Андрей. — Тут уж, мама, и сам Бог велит.

Бабка вообще-то против всяких пьянок настроена, и по этой части зятю и сыну от нее достается. Но тут она, можно сказать, беспрекословно сдается и к великой радости мужчин идет в сени.

— Сейчас, — подмигивает дядя Андрей Мишкиному отцу, — по амбарам пометет, по сусекам поскребет и ублажит мамуля наши грешные души.

И точно — вскорости появляется бабка Ганя с бутылкой, закупоренной бумажной пробкой.

— Натё, — ставит ее решительно на стол старуха. — Терзайте дальше, змеюки, мое истрадавшее сердце. Больше от меня этой гадости не дожждетесь.

А мужикам больше и не надо. Они размеренно разливают самогон по стопкам, заносят его по ртам и крикают с удовольствием, смешно шурясь при этом:

— Не самогон, а динамит! — восхищаются они.

— То-то, — довольно подтверждает бабка. — Не для отруты, а для дела варим.

За столом налаживается степенная беседа. Говорят о разном, что больше волнует и ближе каждому. Со стороны если посмотреть — нет роднее на земле людей. Мишка поочередно елозит на коленках то у отца, то у дяди Андрея. А они совсем даже на него не сердятся, не говорят опостылевшие слова: “Не мешай!”...

Давно солнце закатилось за горбинку широкого колхозного поля. С неба, из-за овчинки-облака на землю грустно смотрела луна. За огородами, по узкой тропинке, Мишка с отцом шли домой. Мишке хотелось спать, но он отгонял сон, чтобы продлить эти сладостные минуты.

— Ничего, — говорил ему отец, — выдюжим! Жизнь, Мишка, сложная штука, и на нас, мужиках, держится. Вырастешь — сам узнаешь...

Наверное, в эту минуту не было счастливее на земле людей, чем эти двое.